

Владимир Миронов,

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, декан философского факультета МГУ им.М.В.Ломоносова (Россия)

Философия поступка

Одной из важнейших особенностей философии выступает широкий исходный квазиэмпирический базис, на который она опирается в своих поисках сущности бытия и мира. Философская рефлексия необходимым образом должна опираться на развивающиеся данные о мире, которые достигаются научным мышлением и наукой. Но одновременно философия является такой формой сознания, которая опирается и на иные способы и методы постижения бытия, которые не сводимы к рациональной рефлексии над миром. Поэтому, например, искусство или религия не менее важны для понимания мира, чем научные изыскания. И это понятно, ибо сам человек как познавательное существо, как индивид является носителем не некоего абстрактного мировоззрения, легко относимого в теоретических рассуждениях к тому или иному типу, а существом живым, живущим, а значит – переживающим как своё собственное бытие, так и бытие окружающих его людей. Субъективное переживание человеком мира, событий, бытия в целом для него не менее, а в некоторых случаях и более важный компонент, который может повлиять на его реальные индивидуальные действия и поступки. Это лежит в основе важнейшего компонента этики – сопереживания как переживания за другого, что часто становится основой жертвования человеком собственной жизнью ради другого человека, других людей и ради идеи как таковой, которая может способствовать улучшению общественного состояния.

Философия как форма сознания не просто опирается на анализ таких этических форм взаимоотношения индивида с миром, но и сама часто реализуется как прежде всего личностная форма сознания, перетекающая в форму личностного поступка в реальной жизни, будь то форма философского эпатажа, или форма жертвенного подвига. Таким образом, рефлексивная (теоретически отстранённая для внешнего наблюдателя) позиция философа часто совпадает с его жизненными установками и поведением в обществе. Анализ таких ситуаций, когда теоретические рассуждения и практическое поведение находятся в гармоничном единстве, представляет собой особый интерес, позволяя говорить о своеобразной философии поступка. В истории человеческой культуры можно найти достаточно много примеров реализации философии поступка. Это и Диоген, эпатирующий общественное мнение, и Сократ, жертвующий собственной жизнью ради идеи признаваемого им как высшего общественного устройства, и А.



На фото: На чествовании 80-летия А.А.Зиновьева в МГУ им.М.В.Ломоносова

Швейцер, с внешне далёкой от жизни этической программой «благоговения перед жизнью».

Для последнего философия вообще не имеет смысла, если она не дополняется деятельностным импульсом, который выступает в качестве стимула поведения отдельного человека. Практическая деятельность философа, как считал Швейцер, заключается в сострадании и реальной помощи другим людям, особенно тем из них, которые по тем или иным причинам оказались как бы изолированными от общества. В этом смысле человек был для него не абстрактным субъектом, а конкретным существом, заслуживающим деятельной любви и сострадания. Вот его жизненное и философское кредо: "В человечестве всегда живет стремление к идеалу. Но лишь малая часть этого стремления открыто проявляется в действии... Удел многих – это более или менее бездушный труд, которым они зарабатывают на жизнь и удовлетворяют потребности общества, но в котором они не могут или почти не могут проявить своих человеческих качеств, ибо этот труд требует от них немногим более, чем быть хорошими человеческими машинами. Но нет человека, которому бы не представился случай отдать себя людям и проявить тем самым свою человеческую сущность. Спасти свою человеческую жизнь – вопреки условиям своей профессиональной жизни – может всякий, кто использует любую возможность быть че-

В связи с тем, что до сих пор не опубликован сборник докладов Зиновьевских чтений в Московском университете (состоялись в ноябре 2008 года) журнал «ЗИНОВЬЕВ» продолжает публикацию самых интересных докладов международной конференции.

любом, делая что-нибудь лично для своих братьев, которые нуждаются в помощи – какой бы скромной ни была его деятельность. Такой человек поступает на службу духовности и добру...”.

В рамках тоталитарной системы поступок отдельного человека принято рассматривать как следствие неких общих государственных детерминант. Подвигом считается выполнение прежде всего своего общегосударственного долга и, напротив, любое отклонение от этого трактуется как проступок или даже преступление. Совершение поступка, исходящего из личных мотивов (если они каким-то образом не совпадают с общими установками) рассматривается чаще всего как случайность, не имеющая этического будущего и в большинстве случаев нарушающая исходные идеологические принципы. Такие индивидуальные поступки в лучшем случае квалифицировались тоталитарной пропагандой как идеалистический гуманизм, отвлекающий человека от реальных дел и не могущий воздействовать на общество в целом. Однако история, которая по известному выражению, не столько учит, сколько каждый раз наказывает, всё время демонстрирует нам, что именно на таких людях держится мир, что именно такая активная жизненная позиция может приобретать характер общечеловеческой ценности и иметь огромное влияние на развитие общества.

Философия становится связующим звеном культуры, когда вырабатываемые ею теоретические принципы реализуются в активной жизненной позиции провозглашающего их человека. Это своеобразная, по выражению Бахтина, «философия поступка». Она не является лишь чистым умозрением в духе знаменитого требования Спинозы, предъявляемого к деятельности философа: «Не плакать, не смеяться, но понимать». В этом случае философия остается незавершенной и даже дисгармонизирующей как с реальным миром, так и с внутренним миром отдельного человека. Поступок, за которым стоит собственное понимание мира, превращает теоретическую

рефлексию в факт мирового бытия, тем более значимый, чем более сознательным и ответственным этот поступок является. Такой поступок, согласованный с философскими убеждениями, в наибольшей степени убедителен для других людей и не требует дополнительных обоснований.

И вот в ряду таких философов стоит Александр

Зиновьев был философом в истинном значении этого слова

Александрович Зиновьев, профессор философского факультета Московского университета, значение мыслей и работ которого мы начинаем по-настоящему оценивать, может быть, только сегодня.

Открывая данную конференцию, я имею некоторую льготу самовыражения, так как могу быть в меньшей степени связан с логикой научного дискурса, что позволяет более свободно соединять в своих размышлениях теоретические соображения с теми образами, которые навеивает масштаб личности Александра Александровича. В творчестве Зиновьева были тесно переплетены моменты

рационально-теоретического познания бытия и ценностно-эмоционального, глубоко личностного постижения мира, что вообще-то говоря, и составляет сущность философии как таковой. Будучи учёным и поэтом, логиком и художником, он очень глубоко понимал внутреннюю гармонию мира, то есть был философом в истинном значении этого слова.

Традиционно, как это часто бывает на уровне обыденного восприятия, Зиновьева воспринимают слишком фрагментарно, то по его чисто логическим трудам, то по его философским произведениям, то по публицистической части его творчества, то по информационно-смысловым кругам, расходящимся вокруг его имени. Это порождает, в свою очередь удивительный феномен, когда его знают почти все, но понимают совсем немногие. Но это также достаточно типичная ситуация для философской личности, для философа, который выражает себя в своих идеях и поступках, часто вовсе не рассчитывая на мгновенное понимание. Философ, выражая в своих идеях самого себя, рассчитывает, прежде всего, на тех, кто способен его понять. Это по-своему трагическая ситуация для любого крупного мыслителя, ибо истинность понимания, как и истина вообще, не определяется количеством поддерживающих её людей. Философ может говорить от имени истины, которая (такое также случается) может так и не стать доступной другим людям. Непонятный большинству, становится не принимаемым этим большинством, особенно при жизни, как это было с Зиновьевым. Но одновременно такое «непонимание» – это состояние мыслительного хаоса, здоровой неопределённости смысла, внутри которого могут вызревать не только векторы прямого понимания, но и бесконечные возможности смысловых интерпретаций.

Зиновьев, при всей его внешней замкнутости – он достаточно тяжело раскрывался собеседнику и отнюдь не каждому – был человеком по сути очень диалогичным. Его мысли и поставленные им проблемы, его предлагаемые варианты решений, часто того, что казалось давно решённым, носили провокативный характер. Это был своеобразный диалог-провокация, заведомо вызывающий на споры и несогласия, причем в рамках (это было, по-видимому, следствием логической образованности) созданного смыслового пространства. Для того, чтобы с ним беседовать, а уж тем более спорить, вы должны были потрудиться и освоить соответствующую систему понятий. За внешней метафоричностью и необычностью терминов, типа «человеиник» или «западнизм», которые для ведения диалога надо было сначала принять как условие дальнейшего раскрытия смысла зиновьевской философии, стояло достаточно строгое, если хотите, логико-социологическое обоснование. Провокативная форма диалога встречается в философии не так уж часто и представляет собой форму весьма раздражающую общественное сознание, как это было в случае с Сократом. Человек, выбирающий такую диалоговую конструкцию, должен был понимать о последствиях со стороны раздражённого общества и сознательно идти на это.

Смелость человека, осознающего свой долг гражданина не как слепо выполняющего некие установки, в том числе и идеологические, а, напротив, критически относящегося к ним, можно обнаружить в текстах философа, но что более важно, в его поступках как гражданина своей

страны, что позволяет говорить о той самой философии поступка, если хотите о зиновьевской философии поступка. Наряду с тем теоретическим базисом, которые оставляет нам тот или иной мыслитель, мы можем реконструировать (дополнить и уточнить) философские взгляды, может быть даже более адекватно, чем, если бы это были лишь только теоретические рассуждения. Попробую это проиллюстрировать на ряде примеров, которые, наверное, я уже приводил в том или ином контексте, но которые справедливы и могут стать предметом обсуждения, в том числе и на нашей конференции.

Философы достаточно давно обратили внимание на то, что масштаб личности может влиять на время, в которое эта личность оказалось помещена. Это лишь в физике время представляет собой некую абсолютную длительность. Вполне реально для каждого человека субъективное переживание времени, которое способно за счет скорости и количества восприятия информации как бы сжимать время внутри восприятий субъекта. Время, таким образом, можно как сжать, так и ускорить на уровне восприятия, заставив реальное физическое время замедляться, или убыстряться. Таким образом, время может иметь личностные характеристики, личностное измерение, оно может реально управляться личностью. Это наглядно видно по жизни выдающихся людей, жизнь которых не просто складывается из некой совокупности событий, но конструируется ими. Действительно, описывая время физическими характеристиками, мы лишь складываем секунды в минуты, минуты в часы, часы в сутки, а сутки в годы, получая в результате искомые годы жизни конкретного человека. Но когда мы начинаем все эти характеристики наполнять событиями, например, жизни Александра Александровича, а ведь именно события, а не физические характеристики переживает человек, то перед нами раскрывается иное время, время событийное, которое далеко превосходит количество обычных прожитых лет. Перед нами раскрывается своеобразная личностная бесконечность, некий собственный внутренний космос событий, который не может быть уместен в обычные пространственно-временные характеристики.

Не случайно про таких людей мы говорим, что они пережили несколько жизней, ибо слишком велика совокупность огромного числа событий для обыденного разума и стандартного человека. Таким образом, человек способен через сознательное наполнение своей жизни событиями стать Демиургом собственной жизни, которую никто не может помешать конструировать согласно некоторому внутреннему плану. А в зависимости от масштаба личности такое бытийное конструирование может стать конструированием реального мира и общества. Это установка мыслителей эпохи Возрождения, например, Данте Алигьери, сконструировавшего для нас образ ада, который вошел в европейскую культуру, став культурной данностью, безусловно присутствовала и в творчестве Зиновьева, создавшего образы культурной данности нашего общества.

Как философ, Зиновьев стоял не на классической позиции мыслителя-онтолога, соотнося наши мысли по их соответствию бытию, а занимал, говоря философским языком, позицию экзистенциально-антропологическую, рассматривая Человека как особую структуру бытия, который способен и должен переконструировать бытие сог-

ласно выработанным мышлением человека представлениям. И в этом смысле человек действительно мог выступать абсолютным Демиургом истории и самого себя. Как писал Зиновьев «Если ты бессилён изменить реально общество в соответствии со своими идеалами, изменись сам ..., построй в себе самом это идеальное общество, создай из самого себя идеального человека, как ты его себе представляешь. Наверняка найдутся и другие люди, которые пойдут тем же путём, что и я. Я – одиночка. Но общество с необходимостью порождает таких, как я, регулярно... Со временем их будет много, и они своим примером изменят жизнь гораздо радикальнее, чем все реформаторы, вместе взятые...

Зиновьев создал образы культурной данности нашего общества

Зиновьев последовательно выстраивал этот Микрокосм для себя, невзирая на внешние преграды и препятствия, так же как и на соблазны. Это была его, как обозначил одну из своих работ – «Формула жизни», которая звучит следующим образом: «Я есть суверенное государство». Человек должен начинать изменения с самого себя. Это трудно понять, особенно современникам, для этого, отмечал философ, «нужно историческое терпение». Человек всегда может оставаться свободным внутри себя. Это он лично принимает решение предать или продать, спасти и пожертвовать собой. Человек есть прежде всего внутренний мир, выстроенный по собственным нравственным законам.

И он следовал этой внутренней установке всю свою жизнь, которая была даже излишне богата событиями и угрозами, как бы проверяя данные установки на прочность. Это и 1939 год, время не самой комфортной жизни для большинства людей в нашей стране, когда чувство страха заставляло людей замыкаться в себя ради собственного спасения. Факты его биографии, как я уже говорил в одном из интервью после его смерти, могут составить сценарий для захватывающего триллера. Выйдя из простой рабоче-крестьянской семьи, он поступает в легендарный МИФЛИ. Впереди возможности блестящей карьеры, но в стаде бегать не хочется. За антисталинские выступления он исключается из МИФЛИ, из комсомола и арестовывается. Далее ещё круче. Он осуществляет побег, уходит служить в армию, служит до 46 года, закончив войну в звании капитана штурмовой авиации, пройдя путь от сержанта до офицера, имеет ряд боевых наград. И все это время над ним висит тень КГБ.

Я мог создать свое государство в границах возможностей, имевшихся в моем распоряжении. Я решил создавать его не как экономическое или политическое, а как социальное явление, т.е. в самих основах общества». Удивительная мысль. Не должно быть отчаяния от того, что общество не выстраивается в данный момент, в данной точке земного шара, построй его в самом себе, создай свой Микрокосм. И Зиновьев последовательно выстраивал этот Микрокосм для себя, невзирая на внешние преграды и препятствия, так же как и на соблазны. Это была его, как обозначил одну из своих работ – «Формула жизни», которая звучит следующим образом: «Я есть суверенное государство». Человек должен начинать изменения с самого себя. Это трудно понять, особенно современникам, для этого, отмечал философ, «нужно историческое терпение». Человек всегда может оставаться свободным внутри себя. Это он лично принимает решение предать или продать, спасти и пожертвовать собой. Человек есть прежде всего внутренний мир, выстроенный по собственным нравственным законам.

Казалось бы жизнь его уже научила и предоставила еще один шанс стать стандартным человеком, вписавшись в принятые стереотипы поведения, более того и занимать здесь высокого статусное место. Но внутренний мир, его Микрокосм не хотел мириться с реалиями внешнего мира. В 1945 году он пишет сатирическое стихотворение «Тост» по поводу речи Сталина в 1945 году, в котором говорит о противоречивости и долготерпении русского народа, прежде всего к своим правителям. Там есть такие завершающие строки:

Он усы утер.
Никакая вина
Не мрачила
Его
Лица.
Ликованием вмиг
Перепополнился зал...
А истерзанный
русский народ,
Умилена слезы
с восторгом глотал,
Все грехи Ему
Отпустив
вперед.

Гениальность поэта заключается не просто в нахождении рифмы событиям. Это не сложная задача. Необходимо, оттолкнувшись от ситуативного, найти типическое, характерное для более широкого класса явлений. Думаю, что приведенные строки полностью отвечают этим критериям, характеризуя не только прошлое русского народа и не только его настоящее, но, по-видимому, и будущее как некую судьбу России, буквально умиляющейся и сегодня сильной властью. А уж в 1945 году за такое стихотворение можно было быть не только арестованным... С 1946 по 1954 год – Зиновьев студент и аспирант философского факультета МГУ. С 1955 по 1976 годы – сотрудник Института философии, профессор МГУ и заведующий кафедрой логики.

В это время он чрезвычайно много публикуется и становится известным логиком не только в стране, но и за рубежом, как специалист в области многозначной логики и логики научного познания. Я просмотрел журналы «Вопросы философии» за все эти годы, Зиновьев там был одним из самых постоянных авторов. Он настоящий учитель, у которого масса учеников. Согласитесь, приличная академическая карьера, создание собственной научной школы, блестящие перспективы. Имя Зиновьева называется в ряду крупнейших логиков мира. Однако Зиновьев продолжает конструировать собственный внутренний мир, который вновь и вновь вступает в противоречие с миром внешним. В 1976 году на Западе публикуются его «Зияющие высоты». Зиновьева увольняют со всех постов, лишают всех наград, степеней и званий. В 1978 году его лишают советского гражданства и изгоняют из страны, даже квартиру отбирают. Думаю, что не было ни одного человека в моем поколении, который не читал бы этот роман или не слушал его чтение по западным радиостанциям.

Его судьба на Западе складывается не просто. С одной стороны, всеобщее признание литературных и научных заслуг, награждение самыми престижными премиями, избрание в целый ряд академий и научных обществ. Но вновь внутренний мир оказывается в противоречии с внешними

обстоятельствами. Он вспоминал в беседах, какое огромное количество людей пришло на его первую лекцию, ожидая услышать критику Советского Союза, а он неожиданно для всех начал говорить о проблемах логики.

Он оказался слишком самобытным и не вписывающимся в стереотипы западного образа мышления и диссидентского сознания, которое также выстраивалось в некую фиксированную систему необходимых признаний и отрицаний. «Западнизм» это не просто остроумная фраза, не просто сатира и язвительность, но понятие, отразившее сущность современной ситуации в обществе, смешавшим в одно целое индивидуальные интересы предпринимателей и олигархов, и интересы массы населения. Это странный синтез капитализма, основанного на индивидуальности, и демократии, основанной на воле масс.

Нет возможности подробно разбирать представленную Зиновьевым социологическую теорию, но отметим лишь некоторые очень актуальные научные гипотезы и предостережения. Западнизм необходимым образом порождает сверхэкономику, что фактически означает создание нового типа империй. Назову в связи с этим лишь книгу Майкла Хардта и Антонио Негри, которая так и называется – «Империя» и целый ряд работ А.С. Панарина, работавшего в этой плоскости. Сверхэкономика ведет, что фактически предсказывал Зиновьев, но несколькими иными словами, к однополярному миру, который сегодня критикуют все кому не лень. Это в свою очередь порождает необходимость сверхгосударства именно как аппарата насилия.

И Зиновьев как социолог даёт блестящее описание структуры сверхгосударства, которое, помноженное на логику его рассуждений и метафоричность его поэтического дара, рисует чёткую и запоминающуюся картину такого государства, часто скрытую или тщательно скрываемую от населения.

Прежде всего, поскольку необходимость насилия в управлении трудно совместима с декларируемой демократией, создаются неконституционные химеры различного рода структур внутреннего управления и контроля, выступающих как некая внутренняя власть. Они часто оформляются подзаконными актами, внешне не противоречащими демократическим устоям и рекламирующие себя как средства, упорядочивающие функционирование системы.

Такая внутренняя власть, пишет Зиновьев, «не конституируется формально, т.е. как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти... К ним примыкает и частично входит в их число околоправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафиозиных групп, личных друзей и т.п. Это – «кухня власти»», продуцирующая идеологию государства. Она опирается на систему «секретных» учреждений, которые обеспечивают функционирование государственной власти. Третью линию государственной иерархии образуют совокупности людей, которые активно поддерживают власть, занимая самые различные, но обязательно высокие социальные позиции: от актёров и профессоров, адвокатов и священников, до олигархов. «По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу и богатству, по известности, по попу-

лярности и т.п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе».

И, наконец, международные структуры сверхгосударственности, которые как на официальном уровне, в рамках различных организаций и союзов, так и на неофициальном уровне, типа «встреч без галстуков», обеспечивают почти семейный контроль над миром, разделяя сферы влияния между собой. «Система сверхгосударственности не содержит в себе ни крупницы демократической власти».

Опасность западнизма в том, что он необходимым образом включает в орбиту своих интересов другие страны, отводя им определённую роль то ли источника рабочей силы, то ли источника сырьевых ресурсов, обеспечивая за счёт согласия на эту роль «комфортность» существования конкретного государства, или, напротив, в случае несогласия, сложность выживания. Перед нами новый тип колониализма.

Таков был зиновьевский взгляд на западное общество. Не восторженное преклонение перед ним как ожидаемая многими плата за политическое убежище, часто сопрягаемой с выливанием помоев на свою Родину, что могло бы, наверное, дать и дополнительные индивидуальные блага, а неожиданный ракурс и на сам Запад, а главное, на свою страну с западной стороны, сквозь призму Запада. Он говорит о ценностях России, русского народа и о тех непреходящих ценностях и приобретениях, которые были достигнуты в стране в советский период. Это стало неожиданным для многих, ибо искренность рассуждений человека, в условиях, когда власть данной страны обошлась с ним так жестоко, становилась непрекращаемой и подлинной, а значит, опиралась на истинное положение дел, то есть на Истину. Для возникшего уже тогда диссидентского «начальства», это было ещё страшнее, ибо разрушало служившие мифы о диссидентстве как едином движении, выражавшем интересы всего народа России. Оказалось, что человек может критиковать Родину за те недостатки, которые там есть, но одновременно и искренне любить её. Все это приводит его и к столкновению с диссидентским «начальством», которое требует определенного стереотипа поведения. Он с регулярностью выгоняет в буквальном смысле из своего немецкого дома псевдодемократов журналистов, которые пытаются использовать его как идеологического союзника. Зиновьев слишком самобытен и самостоятелен, и его не может использовать никто. Именно в этот момент в наибольшей степени становится ясным патриотизм Александра Александровича, связанный с болью и переживанием судеб России, русского народа. В результате, оказавшись среди диссидентов после высылки в 1978 году, он стал диссидентом среди них. Это поступок сильной личности и мыслителя, для которого внутренние устои важнее внешних форм и обстоятельств.

И, наконец, следующий виток судьбы, в котором мне вместе с А.А. Гуссейновым и, конечно, Ольгой Мироновой удалось в какой-то мере поучаствовать. Зиновьев возвращается на Родину и приходит в Московский университет на наш факультет. Это удивительно. Я уж не знаю, принес ли кто-нибудь извинения Александру Александровичу в момент его возвращения на Родину со стороны властей. Вряд ли. Да и вряд ли он принял бы такие извинения от власти, ибо всегда дистанцировался от нее. Ректор Московского университета Виктор Антонович Садовничий в мягкой форме попытался это сделать за университет, который когда-то потерял своего профессора и тем самым

за страну, хотя, наверное, университет в этом был виноват менее чем кто-либо. И Александр Александрович мгновенно прореагировал на это ответными словами, что «Московский университет ни сделал мне ничего плохого, и я буду счастлив работать в нем». В связи с этим нельзя не отметить гражданскую позицию Ректора, для которого критерием университетского профессора выступают академические заслуги человека в фундаментальной науке, талант преподавателя и преданность университету. Именно по этим критериям А.А. Зиновьев должен был вновь стать профессором МГУ и стал им, несмотря на «предостережения», которые высказывались доброжелателями.

И в этот период судьба Зиновьева складывалась не просто. Бурные встречи, попытки привлечь в псевдодемократическое движение в стране. Затем «разочарование» в том, что Зиновьев не такой как все, что большинство ценностей такой демократии он не признает. Конечно, травле такую фигуру подвергнуть уже невозможно, но мелких наскоков хватало. А Зиновьев продолжал строить собственный идеальный внутренний мир, рассказывая об этом нам и, наверное, надеясь в душе, что количество людей, его поддерживающих, будет возрастать. И опять парадоксальный виток судьбы. Александр Александрович Зиновьев так не любивший сам термин «диссидент», всегда противившийся тому, что его самого называли диссидентом – вновь диссидент по сути как человек инакомыслящий, не любивший и не могущий поступать как все. Он выстроил для себя собственную философию и собственно миропонимание, которую он назвал формулой жизни. В её основе лежала простая мысль – я есть суверенное государство и никто не вправе и не сможет в него вмешаться. И эту собственную религию он исповедовал до конца жизни.

Александр Александрович мужественно переносил свою болезнь, в том числе и благодаря помощи своей замечательной жены Ольги Мироновны. Я был в гостях у Александра Александровича незадолго до смерти, мы беседовали, пили чай. Ольга Мироновна показывала замечательную картину, которую для того чтобы сохранить, были вынуждены разрезать, и она в таком виде висит у них в квартире, как бы разделяя жизнь автора на две половины. Он уже быстро уставал и в какой-то момент попросил извинения, сказав, что должен немного отдохнуть, уйдя в другую комнату. Все это проходило настолько мягко и интеллигентно, чтобы не задеть и не обидеть человека к нему пришедшего, освободив его от переживаний за собственные страдания.

Александр Александрович Зиновьев, как истинный философ, не боялся смерти, понимая, что она неизбежна. Но для него центральной была идея самодостаточности личности, перед лицом кого угодно, в том числе и Бога, если таковой есть. Ему была присуща гордость за самого себя как личность, и это состояние задолго до смерти он описал в своей «Предсмертной молитве»:

Сейчас настанет твой конец.

И распадутся жизни звенья.

И неспособен сам Творец

Остановить времён течение.

В лицо Небесному Царю

Скажи такое многократно:

Что жизнь мне дал – благодарю,

Вдвойне – что взял её обратно.